

Теория. Методология

2001 г.

П. ШТОМПКА

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КАК ТРАВМА

(статья первая)

ШТОМПКА Петр - профессор Ягеллонского университета (Краков, Польша).

Одно время социальное изменение идеализировалось как бесспорно положительное, способствующее прогрессу. Опыт двадцатого века, в невероятном масштабе сконцентрировав социальное изменение, настоящего «века изменений», производит иное впечатление. Мы стали скептичнее, потому что отчетливо видим теневые стороны изменения, боль и страдания, которые оно несет.

Анализ концептуализации в социологических теориях исторических изменений показал три типа доминирующих парадигм. 1. В XIX в. господствовала парадигма прогресса, сопровождая рождение и распространение торжествующей современности [1]. 2. В середине XX в. мы стали свидетелями разложения идеи прогресса [19] и роста влияния парадигмы кризиса [13]. 3. В конце XX в. в средствах массовой информации, в речах политиков, повседневной жизни звучит слово «травма», относимое не только к больницам и психиатрическим палатам. Новая парадигма - парадигма травмы, медленно внедряется в сферу гуманитарных и социальных наук [3, 4, 16, 18]. Одна из сфер применения концепции социальной (культурной) травмы — исследование негативных, дисфункциональных последствий, возможных в результате важного социального изменения. Данная статья - попытка дать предварительное описание этой концепции, ее положения в современных теориях изменения, доказать ее пользу и историческую релевантность. Предметом анализа станет радикальное социальное изменение - крах коммунизма в Восточной Европе. Справедливо считавшийся революционным прорывом и встреченный с энтузиазмом участниками и наблюдателями, он обнаружил иное, уродливое лицо. Но вначале обратимся к концепции и теориям.

Социальное изменение как социальное становление: некоторые аспекты

Необходимость концепции травмы (особенно культурной травмы) выявляется при рассмотрении базовых принципов, предлагаемых современными теориями социального изменения. Постэволюционистские и постпрогрессистские теории изменения, основанные на идее социального становления (создания истории), рассматривают социальные трансформации как длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством*

*Данный термин (и производное от него "агент", "агентный"), используемый Петром Штомпкой и рядом социологов. - относительно нов. Он означает носителя (выразителя, "реализатора") признаков, функций определенного института {прим. переводчика).

(agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов. Процесс социального становления происходит в наследуемой культурной среде, в социально едином фонде готовых шаблонов символики, интерпретации, восприятия, толкования происходящего социального действия [24, 25].

К аспектам такого образа социального изменения можно отнести: 1) акцент на коллективное агентство - активную, движущую силу социального изменения, присущую человеческим коллективам; 2) признание структурного и культурного давления агентства, имеющего доступ к ограниченному фонду структурных и культурных ресурсов; 3) акцент на детерминацию настоящего состояния коллективного агентства предыдущими социальными изменениями, формирующими возможность производить социальные изменения в будущем; 4) рассмотрение негативных влияний предыдущего социального изменения на будущий динамический потенциал агентства, признание возможности непрогрессивного изменения, скорее парализующего, нежели стимулирующего; 5) наблюдение, что предыдущие социальные изменения в неравной степени затрагивают разные сегменты социального агентства, и это дифференцированное воздействие зависит от структурного положения, типа доступных культурных ресурсов и агентской (agential) способности человеческих коллективов (нации, классы, объединения по роду деятельности, месту жительства, социальные движения); 6) наблюдение, что социальное изменение имеет разные скорость, ритм и темп с редкими периодами ускоренных, радикальных трансформаций, налагающих отпечаток на состояние коллективного агентства и на дальнейшую дееспособность; 7) наблюдение, что скорость, ритм и темп социального изменения неодинаковы в разных областях социальной жизни, где сфера культуры наиболее инерционна, отличается самым медленным ходом изменения и длительным сохранением прежних условий, когда изменение уже произошло (см. теорию "культурного лага" У. Огборна [20] и гипотезу "трех часов" Р. Дарендорфа [5]).

Отметим, что в этой теории культура имеет двойное значение: как среда изменения (фонд культурных ресурсов, созданный агентами), и как объект изменения, на который влияют действия агентов и крупные социальные перевороты. Используя фразу "двойственность структуры" Э. Гидденса, можно говорить о "двойственности культуры", - одновременно и средства изменения, и его продукта.

Если так рассматривать социальное изменение, очевидна важность изучения процессов, посредством которых следствия предыдущих изменений оказывают продолжительное влияние на коллективное агентство, так как будущий трансформирующий потенциал агентства (его способность действовать созидательно) существенно зависит от этих влияний. Говоря точнее, становится важным изучить влияния быстрого, неожиданного и радикального социального изменения на культурную среду агентства (обогащение или уменьшение фонда культурных ресурсов для дальнейшего изменения), поскольку эти влияния самые глубокие и продолжительные. Решающим может быть фокус на продолжительных вредных эффектах, на прямой зависимости потенциала агентства от предыдущего быстрого, неожиданного и радикального социального изменения, которое посредством деструктивного толчка может затронуть ткань культуры, основу способности агентов к созиданию.

Представление о травме: расширение метафоры

Фокус внимания на проблеме исследования сразу наталкивается на метафору "травма". В медицине травма обозначает неожиданное воздействие на организм и его отношения с окружением при длительных деструктивных влияниях. В психиатрии это длительное деструктивное влияние на личность, результатом чего являются умственные, эмоциональные нарушения. Имеет смысл отнести термин и к социальной сфере с деструктивным воздействием на социальное тело. В таком контексте травма

подразумевает определенную патологию агентства. В свете теории социального становления под этим следует понимать сложный, искусственный вид человеческой коллективности, дающий возможность его творческой самотрансформации [24]. Здесь патологическое состояние проявляется при определенных структурных и культурных обстоятельствах ("благоприятный контекст"). Оно вызвано специфическими формами прошлого социального изменения ("травмирующие события"). Явление, обозначенное как травма, вызывает ответные реакции ("совладание - coping - с травмой"), основанные на способности агентства к дальнейшему социальному изменению. Это предварительное определение травмы как динамично развивающегося процесса. Назовем его "травматической последовательностью" (traumatic sequence).

Логика этого процесса напоминает замеченное Н. Смелзером проявление социальных движений, названное им "ценностнодополненной динамикой" [22]. Я использую это понятие с модификациями для описания травматической последовательности. В моей интерпретации анализ этой последовательности разбит на шесть стадий:

1. Структурное и культурное прошлое - среда, благоприятствующая возникновению травмы. Смелзер использует термин "структурная благоприятность";
2. Травматические события или ситуации (у Смелзера - "структурное напряжение");
3. Особые способы определения, интерпретации, выражения или толкования травматических событий посредством фонда унаследованных культурных ресурсов (у Смелзера - "обобщенные представления");
4. Травматические симптомы, то есть определенные схемы поведения и представлений (всеми разделяемые образцы поведения, общепринятые мнения);
5. Посттравматическая адаптация ("социальный контроль" Смелзера);
6. Преодоление травмы - завершающая фаза или начало нового цикла травматической последовательности, если смягченная травма несет за собой благоприятные структурные и культурные условия для проявления нового вида травмы.

Кратко поясним каждый из этих компонентов (фаз).

Благоприятные структурные и культурные предпосылки

Готовность к травме возникает, когда появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом. Нас особенно будут интересовать раздвоение, раскол, противоречивость, конфликт внутри культуры, возникающие быстро и неожиданно и охватывающие ключевые компоненты культуры, - ценности, верования, нормы общества.

Потенциально травматические ситуации (события)

Травматическая ситуация (событие) может быть определена как состояние напряжения, связанное с конкретными социальными изменениями. Социальное изменение, связанное с травматическими событиями, имеет, четыре характеристики, 1. Оно обладает временной характеристикой в виде неожиданности и быстроты. 2. Оно обладает определенным содержанием и размахом - радикальное, глубокое, всестороннее, затрагивающее основы, 3. У него есть истоки - воспринимается как экзогенное, пришедшее извне, как нечто, на что мы сами не влияли, а если и влияли, то неосознанно (мы "страдаем" от травм, травмы "происходят с нами", мы "сталкиваемся" с травмами) 4 Оно воспринимается в определенном мыслительном контексте - как нечто неожиданное, непредсказуемое, удивительное, шокирующее, отталкивающее.

Попытаемся дать примерный список социальных изменений различной величины и значимости, отвечающих данному описанию и, следовательно, потенциально могущих вызывать травматические события или ситуации*

- революция (удавшаяся или нет), государственный переворот, уличные бунты;
- крах рынка, кризис фондовой биржи;
- радикальная экономическая реформа (национализация, приватизация и т.п.)
- иностранная оккупация, колониальное завоевание;
- принудительная миграция или депортация;
- геноцид, истребление, массовые убийства;
- акты терроризма и насилия;
- религиозная реформация, новое религиозное пророчество;
- убийство президента, отставка высшего должностного лица;
- разоблачение коррупции, правительственный скандал;
- открытие секретных архивов и правды о прошлом;
- ревизия героических традиций нации;
- крах империи, проигранная война.

Травматические события вызывают нарушение привычного образа мысли и действий, меняют, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления. Конечно, это лишь некоторые возможные социальные изменения, способные вызвать травмы. Часть из них больше соответствуют нашему описанию, чем другие. Этот перечень предложен лишь для передачи основной идеи концепции в моем представлении. Подчеркну три момента: во-первых, не все подобные события неизбежно ведут к травме (хотя при определенных условиях они все могут, а некоторые реально ведут к ней); во-вторых, возникающие травмы могут обладать разными силой, продолжительностью и значением; в-третьих, культурная травма возникает не всегда (следствия травматических событий могут не достигнуть уровня культурной травмы или превысить его).

Культурные рамки травм

Травма, как многие другие социальные состояния, - одновременно объективна и субъективна. Она обычно коренится в реальных феноменах, но не проявляется до тех пор, пока ее не увидят и не дадут ей некое определение. Такой случай, всегда возможный в мире людей, выражен известной теоремой Томаса: "Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны в своих следствиях" [17]. Могут быть травмы, не основанные на травматических ситуациях, а вызванные распространением представлений об этих событиях. Например, достаточно поверить в надвигающееся вторжение с Марса, чтобы возникла паника. Убеждение, что харизматический лидер совершил государственную измену, вызовет кризис легитимности, даже если он совершенно невиновен. Возможно и обратное: ситуации с объективно сильным травматическим потенциалом не ведут к травме, если их оправдывать, рационализировать и интерпретировать так, чтобы сделать незаменяемыми, безобидными или полезными, выгодными.

Попытки определения, восприятия и интерпретации не возникают в вакууме. Всегда присутствует наличный набор доступных значений, закодированных в культуре конкретной общности (общества). Индивиды не выдумывают значения, а отбирают их из окружающей культуры, применяя к потенциально травматическим событиям. Некоторые из этих интерпретаций описывают события как травматические. Некоторые рассматривают воображаемые, объективно несуществующие события как травматические. А некоторые считают объективно травматические события нетравматическими. Такова сила культурной релятивизации.

Травматические симптомы

Коренится ли травма в реальных травматических событиях или нет, состояние травмы имеет общую характеристику - нарушение нормальности. Вероятно, в природе человека есть что-то тяготеющее к порядку, привычке, повторяемости, продол-

жительности, стандартизации, предсказуемости, само собой разумеющемся. Этим удотлетворяется наше стремление к экзистенциальной безопасности. Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. Влияние травмы на коллектив зависит от относительного уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения. Это мы и подразумеваем, говоря, что травма вызвана "шоковыми" событиями. Здесь возможны две регулярности: 1) чем больше разрыв между привычной организованной средой и условиями, вызванными травматическим событием (то есть, чем сильнее "шок"), тем сильнее влияние травмы (так, в мирной, организованной, законопослушной общине убийство вызовет коллективную травму, а в районе, привыкшем к преступности, его могут просто не заметить); 2) чем больше травма затрагивает ядро коллективного порядка - сферу базовых ценностей правил, центральных ожиданий - тем сильнее она чувствуется.

Состояние травмы, вызванное травматическими событиями или ситуациями, культурно интерпретируемыми как травмы, является в целом необычным состоянием, непривычным положением дел; некие разрушения, нарушения, изменения, диссонанс, если они восприняты негативно, болезненные, вредные, неприятные и отталкивающие явления. Но всегда ли культурная травма порождена неудачами и вредными явлениями, всегда ли травматические события негативны, может ли культурная травма возникать вследствие успеха, если он неожиданный, непривычный, достигший определенного уровня, подрывающий привычные рутинные явления в коллективной жизни? Иными словами, могут ли травматические события быть объективно положительными и полезными? Э. Дюркгейм [6], говоря об "анатомии успеха", намекает на эту возможность. Современным примером на макро-уровне служит крах коммунизма и трансформации восточноевропейских обществ. Событие, встреченное с энтузиазмом большинством людей, оказалось, по крайней мере, на какое-то время и, по крайней мере, для некоторых групп причиной травматических переживаний, известных как "боль перехода" (безработица, статусная деградация, обнищание, рост преступности).

Травма - "социальный факт" в классическом, дюркгеймовском смысле термина [7]: она распространяется среди членов определенной группы, разделяющим этот факт. Приобретая характер факта внешнего по отношению к каждому из них, она воспринимается как нечто, принуждающее и налагающее обязательство на их действия. Травма - коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как культурно травматические. Травма действует на коллектив и, согласно большой психоаналитической литературе, не может быть индивидуальным нарушением.

Что конкретно поражает травма? Где можно обнаружить симптомы травмы? Травма действует на три области; следовательно, возможны три типа коллективных социальных травматических симптомов. Во-первых, травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической деградации населения, эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и так далее. П. А. Сорокин в "Социологии революции" [23] особо подчеркивал этот тип травматического влияния. Аналогично данные о снижении продолжительности жизни в Латвии, росте уровня самоубийств в Эстонии можно считать симптомами биологической травмы после краха коммунизма. Во-вторых, травма действует на социальную структуру. Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию. Примеры травмы структуры - политическая анархия, нарушение экономического обмена, паника и дезертирство воюющей армии, нарушение и распад семьи, крах корпорации и т.п. Мы обратимся, однако, к третьему проявлению последствий травмы. Это область воздействия травмы на культуру.

Конечно, любая травма, по определению, - культурный феномен. Но она может быть культурной, воздействующей на культурную ткань общества. Только это и мо-

жет считаться культурной травмой в полном смысле слова. Такая травма наиболее важна, потому что она, как все феномены культуры, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени, при благоприятных условиях, проявляя себя. Яркий пример - травмы племенные, этнические, национальные, коренящиеся в насильственных, травматических событиях прошлого, внезапно возникающие в виде взрывов внутригрупповой ненависти, конфликтов, войн: Африка, постсоветские республики, Балканы.

Наше понимание культурной травмы как культурно интерпретируемой раны на ткани культуры, конечно, зависит от того, какой смысл мы придаем определению культуры. В этом плане можно предположить, что культура выражает мир коллективно разделяемых смыслов и символов, распадаясь на две основные категории: 1) нормативные (аксиологические) компоненты: ценности, нормы, правила, роли, стили, вкусы и т.д.; и, 2) когнитивные компоненты: верования, убеждения, доктрины, теоретические построения, парадигмы. Вследствие стремительного, радикального социального изменения "двойственность культуры" проявляется своеобразно: травматические события, сами по себе несущие определенный смысл, наделяются смыслом членами коллектива, нарушая мир смыслов, неся культурную травму. Если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся.

Интересна еще одна подгруппа культурных травм. Если согласиться, что коллективная культура - основной каркас самоопределения коллективной идентичности, установления границ категории "мы", противоположной категории "они" или противостоящей ей, раскол культурного порядка будет часто нарушать коллективную идентичность. Более того, кризис идентичности и усилия с целью восстановить, заново сконструировать коллективную идентичность окажутся эмпирически наиболее заметным проявлением культурной травмы. Вспомните широкое обсуждение краха русской идентичности в ходе крайне травматичного распада советской империи и гибели коммунистической системы.

Социологическая теория довольно длительное время занимается типологиями социальных и культурных травм, не используя этот термин. Частично совпадающие теоретические концепции негативных последствий социальных перемен в некотором, более широком или узком, смысле, несомненно, относятся к состояниям, схожим с культурной травмой, включают следующее:

- аномия [6, 17]
- цивилизационная некомпетентность [25]
- социальное трение [8]
- синдром недоверия [27]
- коллективное чувство вины
- коллективное чувство стыда
- кризис идентичности
- кризис легитимности [11]
- теория культурного лага [20].

Несмотря на сходства, исследования с использованием этих представлений, как правило, велись по иным поводам. Достоинством концепции культурной травмы с ее более высоким уровнем абстракции и обобщения может стать способность объединить разные исследовательские традиции на единой теоретической платформе, взаимно обогащая и проверяя их.

Этнология культурной травмы

Каковы же условия, вызывающие культурные травмы, делающие их отличными от других видов травм? В чем своеобразие этиологии культурных травм? Выделим четыре типа ситуаций (которые не исчерпывают возможные случаи, служа лишь для иллюстрации):

Во-первых, культурная травма обычно возникает, когда какое-то значительное событие (воспоминание о подобном важном событии прошлого) бьет по самым основам культуры, точнее, интерпретируется как абсолютно несоответствующее ключевым ценностям, основам идентичности, коллективной гордости и т.д. Поражение в войне, подавление народного восстания, крах империи, преследование религии, делегализация традиционных форм семьи, резкая девальвация валюты, невыплата государством иностранного или внутреннего долга - примеры событий, могущих интерпретироваться как нарушения прежней культуры. Другая разновидность травмы этого типа вызвана памятью о коллективных грехах, совершенных общностью, к которой принадлежишь; широким распространением чувства стыда и вины, вызванным воспоминанием о деяниях прошлого, оскверняющих принятые культурные принципы. Яркие примеры - память о Холокосте, чрезвычайно важная для евреев, но вызывающая чувство вины и у современных поколений немцев, потомков реальных преступников; или история рабства, до сих пор преследующая общество США. Короче: во всех подобных ситуациях травма возникает в результате конфликта между фактами настоящего или прошлого, интерпретированными как несоответствующие базовым основам культуры.

Во-вторых, культурная травма возникает, когда люди оказываются во власти новой культуры, или, точнее, когда социализированная культура, которая у них "в головах" или в полуавтоматических "склонностях сердца", сталкивается с культурной средой, в которой они оказались. Есть два варианта такого конфликта. Первый, - хорошо известный туристам, и, на коллективном уровне, иммигрантам - результат территориальной мобильности. Люди переезжают в ареал иной культуры, оказываясь плохо приспособленными к новой среде. Пример этого вида коллективной культурной травмы, поглотившей огромную общность иммигрантов, представлен в труде У. Томаса и Ф. Знанецкого "Польский крестьянин в Европе и Америке" Противоположный вариант: люди не мобильны, но иностранная культура приходит сама, захватывая их (завоевание, колониализм). В более мягких формах это культурная глобализация [12], иногда именуемая вестернизацией, американизацией, макдональдизацией [21]. Люди оказываются в мире, совершенно чуждом их родным культурам. И если процесс культурно болезнен и невыносим, возникнет серьезная коллективная травма. Это показано у многих социальных антропологов - от Б. Малиновского [15] до У. Ханнерца [12]. Еще один случай наблюдается там, где коллективы с несовместимыми культурами интенсивно взаимодействуют, повторяя рутинные связи, которых нельзя избежать. Такой травме благоприятствуют мульти-культурные общества, где многочисленные противоположные культуры вынуждены ежедневно контактировать. Конечно, этноцентризм толкует подобный плюрализм скорее как болезненное явление, чем полезное упражнение в толерантности. Но в нашем случае травма - результат столкновения местной и иностранной культур, интерпретированное как культурно пагубное явление.

Третий случай культурной травмы связан с обновлением образа жизни под влиянием изменений технологий экономики, политических условий (и в рамках неизменной или медленно меняющейся культуры). Люди обнаруживают, что их новый образ действий, появившийся спонтанно или вызванный ситуационно, вступил в конфликт с традиционной культурой. До тех пор, пока новый образ жизни не закреплен и не санкционирован в новых культурных правилах, традиционная культура теряет качество самого собой разумеющегося, делаясь проблематичной, навязанной, враждебной, устаревшей, и сопровождается конфликтом поколений. Эта культурная травма - промежуточная

фаза морфогенеза культуры" [2], то есть, - результат столкновения нового образа жизни со старой культурой.

В-четвертых, культурная травма может возникать в области культуры, а не на границе культуры и действий, культуры и событий. Существует несколько разновидностей внутрикультурных истоков культурной травмы. 1. Травма возникает, когда разные сегменты культуры имеют разный темп развития, результат чего - "культурное отставание" определенных сегментов. Например, несинхронное развитие институциональных сфер права, политики, экономики, финансово-банковских систем, массовой культуры довольно часто характеризовалось как высоко травматический фактор посткоммунистических обществ [5, 26]. 2. Травма может появиться из-за внутрикультурного открытия, представляющего подход, несоответствующий старой культуре, нарушающий ее согласованность, вызывающий смену значений и переоценку верований. Лютер в религии, Коперник в астрономии и Эйнштейн в физике - примеры такой ситуации. 3. Культуру может потрясти раскрытие фактов, новых доказательств, выставляющих события или личности в совершенно ином свете и требующих иной интерпретации прежних суждений. "Секретный доклад" Н. Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г. продемонстрировал масштаб преступлений Сталина, вызвав серьезную культурную травму у обработанных пропагандой масс и у коммунистов-интеллектуалов всего мира. Данные о Холокосте стали крайне травматическими для немецкого народа и антисемитских групп в других обществах (особенно в США). Разоблачения сотрудничества швейцарских банков с нацистами во время войны болезненны для некоторых сегментов швейцарского общества. 4. Травму может вызвать переосмысление прошлого. Так называемая ревизионистская интерпретация Великой Французской революции [9], сфокусировавшая внимание на насилии и терроре, ревизия оценок открытий Колумба - акцент на истреблении индейцев - столь сильно столкнулись со стандартной героизацией, что результатом чаще всего была культурная травма.

Сами культурные несоответствия или несовместимости не обязательно ведут к культурным травмам. Травма там, где несоответствия, напряжения и столкновения восприняты и переживаются как проблема, нечто беспокоящее, болезненное, требующее исцеления. Тогда культурная травма проявляется в интеллектуальной, моральной и художественной мобилизации общества. Она может сопровождаться повышенной активностью движений, особенно так называемых "новых социальных движений", остро ставящих на повестку дня культурные проблемы, "постматериалистские ценности". Если есть полемика в СМИ, на собраниях общественности или в политических структурах; если ценности и суждения резко оспариваются; если определенные темы становятся предметом отображения кино, театром, литературой; если эти движения мобилизуют культурно недовольных, перед нами несомненно свидетельство не исцеленной травмы.

Разная чувствительность к культурной травме

Не все группы общества равно восприимчивы к культурным травмам и способны выражать это. Скорее, у каждой травмы есть центральные группы, глубоко переживающие и воспринимающие ее, и периферийные группы, для которых она - несущественна, маргинальна. У разных групп дифференцирован и доступ к фонду культурных моделей интерпретации, используемому для описания событий как травм. Влияние одних и тех же потенциально травматических событий (ситуаций) может быть качественно противоположным для различных групп. Для одних оно деструктивно, разрушительно, для вторых полезно и желанно, третьи его игнорируют. Вспомните любую революцию, энтузиазм и надежды, которые она несет одним, уныние и отчаяние - другим; для некоторых она просто не имеет значения. Или возьмем важную политическую реформу с ее влиянием на сторонников, противников и безразличных.

Иными словами, некоторые группы вследствие структурного и культурного положения более восприимчивы к травме, обладают более высокой способностью истолкования и выражения травмы, другим не хватает навыков. Некоторые группы располагают средствами совладания с травмой, борьбы с ней и ее преодоления, другие могут не иметь таких средств. Вопрос: "травма для кого?" ведет к непредсказуемости.

Поразмышляем о факторах, благодаря которым разные группы по-разному воспринимают травмы. Вероятно, решающим может быть наличие ресурсов, социального и культурного капитала, помогающих осознать, определять травмы и активно противодействовать им. Главное здесь, скорее всего, образование. С одной стороны, уровень образованности делает людей восприимчивей и чувствительней к травме. В то же время они могут лучше выражать травмы. Неудивительно, что некоторые скрытые травмы сначала были осознаны и описаны интеллектуалами, философами и социологами, давшими готовые определения и символические выражения для других. Обычно образованные группы обладают лучшими навыками активного преодоления культурных травм. Возможно, общее, разносторонне широкое образование здесь важнее узкой специализации. Аргументом в пользу британского идеала широко образованного "джентльмена" может быть то, что культурные травмы требуют переобучения, переквалификации и ресоциализации, чему и служит общее широкое образование. Так, крах коммунизма в Восточной Европе, открытие на Западе конкуренция, рынок, демократическая политика, вероятно, менее травматичны для образованных людей, чем необразованных. У знавших иностранные языки, имевших профессиональные навыки и космополитические взгляды было меньше переходных проблем, чем у неквалифицированных рабочих, крестьян.

Кроме образования, могут играть свою роль в случаях травм, возникающих в результате культурного конфликта или разнообразия культур, терпимость и релятивистские взгляды, - противоположность этноцентризму и догматизму. Другой фактор можно назвать "социальной укорененностью". Исследования посткоммунистических обществ констатируют, что обладатели больших сетей социальных связей, многочисленных друзей и семейной поддержки гораздо более приспособлены к переориентации на предпринимательство, свободный рынок и личную ответственность. Скорее всего, для многих типов травмы богатство и власть играют роль смягчающих факторов, изолирующих от травмы и предоставляющих необходимые средства, чтобы справиться с ней. Список личностных факторов, играющих смягчающую роль, этим, конечно, не исчерпан. Это лишь примеры возможных направлений исследования.

Совладание с культурной травмой; различия стратегий

Выше отмечено, что потенциально травматические события (ситуации), вызванные внезапным, быстрым и фундаментальным социальным изменением, перерастают в травматическое состояние лишь благодаря интерпретативным действиям людей-агентов. Формой таких действий может быть сокрытие, оправдание, объяснение, иными словами, адаптация или нейтрализация явлений, объективно обладающих травмирующим потенциалом. Этим создаются культурная, субъективная изоляция, предотвращающая появление состояния травмы, превентивное совладание с травмой, которой еще нет, но которая представляет собой угрозу.

Когда превентивные интерпретации культурно недоступны по иным причинам или просто неэффективны и состояние травмы все же возникает, люди реагируют по-разному, пытаясь справиться с реальной травмой. Есть разные стратегии совладания с травмой, модели активной адаптации к ней, репертуар противодействий поел" принимаемых затронутыми группами. Для их классификации я использую две теоретические концепции социологии. Первая - классическая аномия и адаптация к экономическому состоянию у Р. Мертона (1938 г.) [17]. Сформулированная Э. Гидденсом в 1990 г. идея риска представляет вездесущий фактор поздней современности и типичные коллективные реакции на риск [10]. Мертон рассматривает четыре типа адапта-

ции к аномии; инновация, бунт, ритуализм, ретриатизм. Первые два - активные, конструктивные типы адаптации. Вторая пара представляет собой пассивные адаптации. Для обобщения и применения этой типологии, *mutatis mutandis*, к культурной травме, отметим, что инновация это спонтанное или преднамеренное "культурное производство", стремящееся к частичному изменению данной культуры с целью смягчения ее несоответствий другой культуре или реальному поведению людей. Бунт - радикальная попытка полной трансформации культуры ради замены состояния травмы новой культурной системой. Иллюстрируют такого типа адаптации контркультурные движения, некоторые религиозные секты. Пассивная ритуалистская адаптация обращается к неустановленным традициям, привычкам и их культивированию как надежным укрытиям от травм. Наконец, ретриатизм в данном контексте есть игнорирование травмы, попытку действовать, будто ее нет.

Гидденс завершает анализ современности [10], обсуждая типы противодействий, предпринимаемых при адаптации к вездесущим нестабильности и риску: 1) прагматическое, обычное деловое отношение, сосредоточенность на повседневных заданиях и сознательном подавлении беспокойства; 2) оптимизм, вера, что все как-то образуется, опасностей удастся избежать благодаря предусмотрительности или науке, технике, разуму; 3) циничный пессимизм, характеризующийся сиюминутностью и гедонизмом; 4) жесткая борьба против выявленных источников опасности в основном в рамках социальных движений. Очевидно, только последний тип адаптации конструктивен, подобно мертоновской инновации или бунту, позволяя людям преодолевать травматические воздействия современности. Другие типы адаптации являются пассивными, похожими на мертоновские ритуализм и ретриатизм.

Травматическая последовательность в диалектике социального изменения

Травматическая последовательность в проанализированном выше виде включена в общие процессы социального изменения. Ход социального изменения повсеместен и непрерывен, не зная начала и конца. У каждого этапа изменений, часто непредвиденного и отличного от других, разные причины. В потоке социального изменения травматическая последовательность может проявляться двояко: как следствие других изменений и как стимулятор определенного вида изменений (совладание и реформирование структур и культур). Для иллюстрации этой двойственности вернемся к исходным идеям нашего рассуждения. Их отправной точкой было возникновение внезапного, радикального и всеобъемлющего социального изменения (чаще всего революции). Подобное изменение имеет определенный потенциал травматических событий или ситуаций. Люди используют доступный фонд культурных ресурсов для интерпретации этих событий, ситуаций. Некоторые интерпретации определяются как травмы. Травматическое состояние - несоответствие, нарушение, противоречие - может действовать на сферу культуры. Возникает напряженность между прежними культурными предписаниями (ценностями, значениями, символами, идеями и т.д.) и возникающей культурой, адекватной новым условиям социума. Вследствие культурной инерции наследие прежней, уже устаревшей культуры переживает систему, которой оно функционально адекватно, и некоторое время будет сосуществовать с новой культурой, становясь непригодным для новой системы. Состояние культурного раскола, противоречия - благоприятная почва для полномасштабной культурной травмы - культурно детерминированной раны этой культуры. Реагируя, люди используют разные стратегии совладания с травмой. Социальные изменения развиваются независимо, в соответствии с их специфическим направлением и причинами. Так как они прямо не зависят от последствий травм (хотя обратное влияние существует), с точки зрения травмы эти изменения могут быть названы параметрическими. Некоторые из параметрических изменений (событий) благоприятны, помогают смягчить травму; другие - вредны, усугубляя ее.

Возможны два альтернативных сценария дальнейших событий: один - порочный круг разрушения кулиуры, другой - добродетельный круг культурной реконструкции. При первом параметрические изменения обостряют травматическую ситуацию, люди прибегают к бесплодным, даже контрпродуктивным стратегиям совладания; устаревшая культура поддерживается и сохраняется благодаря настойчивому культивированию воспоминаний. Другой сценарий - благоприятное параметрическое изменение, облегчающее травматические ситуации в сочетании с эффективным совладением с ней и отрицанием прежнего культурного наследия в результате смены поколений. Вместе эти три силы смягчают или устраняют травму, в итоге приводя к упрочению новой культуры.

Таков диалектический механизм культурного изменения через возникновение и преодоление культурной травмы. Возможно, он не универсален и не обязателен для культурного изменения. Но, по-видимому, он хорошо применим к особо интересному случаю подобной динамики, вызванной фундаментальным крахом и нарушениями, короче говоря, к революционным переменам. Здесь культурная травма, несмотря на непосредственно негативные болезненные последствия, демонстрирует позитивный, функциональный потенциал как сила социального становления. Вопреки вызванным ею разрушениям и дезорганизации культурного порядка, ее можно рассматривать как семя новой культурной системы, стимул культурной консолидации или конструирования.

*Перевод А.Ю. МОСЕЕВОЙ и
Н.В. РОМАНОВСКОГО*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alexander J.C. and Sztompka P. (eds.). Rethinking Progress. Boston, 1990.*
2. *Archer M, Culture and Agency. Cambridge, 1986.*
3. *Caruth C Trauma; Explorations in Memory. Baltimore, 1995.*
4. *Caruth E. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore, 1996.*
5. *Dahrendorf R, Reflections on the Revolution in Europe. New York, 1990.*
6. *Durkheim E. Suicide. New York, 1951.*
7. *Durkheim E. The Rules of Sociological Method. New York, 1982.*
8. *Etzioni A. A Responsive society. San Francisco. 1991.*
9. *Furet F. Interpreting the French Revolution. Cambridge, 1981.*
10. *Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.*
11. *fiabermm J. Legitimation Crisis. Boston, 1975.*
12. *ffimmrz U Transnational Connections: Culture, People, Places. London, 1996.*
13. *Holton J. Crisis and Progress // J. Alexander and P. Sztompka (eds.), Rethinking Progress. Boston, 1990.*
14. *Malmowski B. Scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, 1944.*
15. *Malinowski B. The Dynamics of Culture Change. New Haven, 1961.*
16. *Maruyama M. Post-totalitarian Deconversion Trauma//Hyman Systems Management. 1996. № 15. 135-137*
17. *Merton R.K. Social Structure and Anomie // P. Sztompka (ed.). Robert K. Merton on Social Structure and Science Chicago. 1996 119381.*
18. *Neal A.G, National Trauma and Collective Memory. Armonk, N.Y., 1998.*
19. *Nisbet R. History of the Idea of Progress. New York, 1998.*
20. *Ogburn W. On Culture and Social Change, Ed. by O.D. Duncan. Chicago, 1964.*
21. *Rttzei G. The McDonaldbation. Newbury Park, 1993.*
22. *Smelser N.J. Theory of Collective Behavior. New York, 1963.*
23. *Soroktn P. The Sociology of Revolution. New York, 1967 [1928].*
24. *Sztompka P. Society in Action: The Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.*
25. *Sztompka P. The Sociology of Social Change. Oxford, 1993.*
26. *Sztompka P, Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies // Zeitschrift 1993. № 2. April. P. 88-95*
27. *Sztompka P. Looking Back: The Year 1989 as a Cultural and Civilizational Communist Studies. 1996. № 2. P. 115-129.*
28. *Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge. 1999.*